

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ЯЗЫКЕ И ОБЩЕСТВЕ

УДК 81'282

ПОЛЬСКИЙ ЯЗЫК КАК ПОСРЕДНИК ИНОЯЗЫЧНОГО ВЛИЯНИЯ НА РУССКИЕ ГОВОРЫ ЛАТГАЛИИ*

Е.В. Матейкович

Кафедра русистики и славистики
Гуманитарный факультет
Даугавпилсский университет

ул. Виенибас, 13, Даугавпилс, Латвия, 5400

В речи русских старожилов Латгалии встречаются иноязычные лексемы, которые появились через посредство польского языка, что объясняется историей этого региона, который был в течение длительного времени в составе Польско-Литовского государства. В статье анализируется лексический материал, который извлечен из двух источников: картотеки Даугавпилсского университета и «Материалов для словаря русских старожильческих говоров Прибалтики».

Ключевые слова: диалектология, русские говоры, язык-посредник, лексика, польский язык.

Исследованием русских говоров в Прибалтике занимались многие лингвисты: В.Н. Немченко (Литва), А.И. Сеница (Латвия), Т.Ф. Мурникова (Эстония).

Результатом научной деятельности стал региональный словарь русских старожильческих говоров трех прибалтийских республик — Литвы, Латвии, Эстонии [1].

Исследованием русских говоров в Латвии занимались: М. Новгородов [2; 3], М.Ф. Семенова [1; 4—6], А. И. Сеница [7—11], Е. Королева (исследования продолжаются и по настоящее время) [12—19] и др.

Так, исследователь М.Ф. Семенова выделяет три основные группы русских говоров Латвии: первая группа — это говоры обрусевших белорусов по южной и юго-восточной окраине Латгалии (с XVI в.); вторая группа — это старообрядческие говоры с псковско-новгородской основой (с конца XVII в.); третья группа — говоры переселенцев с соседних псковских земель (со второй половины XIX в.).

* Рец. асс. проф. Е.Е. Королева (Даугавпилс, Институт компаративистики), асс. проф. А.М. Кузнецов (Даугавпилсский университет).

Таким образом, речь русских старожилов Латгалии не представляет единого говора [6. С. 13].

Как отмечает Б. Лаумане, до XVI в. на территории Латвии не было засвидетельствовано крупных массивов славянского населения, усиление произошло после присоединения большей части Латвии к Польско-Литовскому государству (1561 г.), а потом — Латгалии к России (1772 г.) [20. С. 50]. Э. Екабсонс в связи с этим отмечает: «...В Латгалии влияние польской культуры было более длительным, а польские помещики как основная часть землевладельцев продолжали существовать и после включения Латгалии в состав Российской империи» [21]. Об особом статусе Латгалии как о 33-й провинции Польско-Литовского государства писал Е. Дунсдорфс [22. С. 179].

Исторические события, разворачивающиеся на этой территории, переселение и смешение населения разных национальностей и вероисповедания не могло не отразиться на языке. Н. Ананьева в своем исследовании «Балтизмы в говорах балто-славянского пограничья» отмечает: «С середины XIX в. происходит процесс формирования обширного массива польских говоров на территории бывших западных губерний Российской империи» [23. С. 354].

Польский периферийный диалект (*polszczyzna kresowa*) образовался в результате исторического взаимодействия поляков с коренным населением на территории бывшего Польско-Литовского государства. Распространение польского языка в Украине, Белоруссии, Литве и частично Латвии было обусловлено рядом причин: политика, идеология, культура. Процесс полонизации проходил с разной интенсивностью начиная с XV в. и до XX в. [24. С. 5—7]. Польский периферийный диалект на территории Латвии до сих пор не изучен в полной мере, хотя этому вопросу посвящены работы таких исследователей, как М. Паршута [25; 26], М. Островка [27—29], Д. Рембишевская [30], К. Куницкая [31].

Исследователь латгальских говоров А. Рекена в статье «Славянизмы в названиях кушаний в южнолатгальских говорах» рассматривает вопрос взаимодействия трех славянских языков — русского, белорусского, польского в Латгальском регионе [32].

О контактах латышского языка со славянскими языками (русский, белорусский, польский) пишет Ю. Лаумане в статье: «Лексический материал диалектологического атласа латышского языка, отражающий латышско-русско-белорусско-польские контакты». Автор отмечает сложность определения языка-источника русского, белорусского или польского заимствования. Разграничение русских и белорусских форм затрудняется тем, что исторически русские (псковские) и белорусские северо-западные говоры характеризуются наличием некоторых общих фонетических явлений [20].

В данной статье мы придерживаемся мнения о том, что заимствование происходит из польского языка, даже если в белорусском языке есть соответствующие лексемы, из-за престижности польского языка как языка культуры и проводника западного культурно-языкового влияния.

В данном случае мы опираемся на точку зрения польского исследователя М. Янковяка, который выделяет польские слова, такие, например, как: *крыж*, *патэлья*, *кашўля*, *кóудра*, которые давно вошли в белорусский язык из польского

и функционируют в говорах Браславского и Миорского районов Белоруссии до сих пор.

Заемствования из польского языка объясняются тем, что Западная Белоруссия входила в состав Польши, крестьяне работали на «панов», а также посещали польские школы. Исследователь говорит о роли польского языка в религиозной жизни: мессы в костелах проводились на польском языке [33. С. 159]. Особый престиж польского языка был связан с тем, что он был государственным языком.

Пересечение польского и белорусского языков в русских говорах объясняется их родством, наличием общеславянских корней. Исследователь Г. Пальцев проанализировал 2500 корневых слов и дериватов праславянского происхождения, около 400 корневых производных лексем ограниченного/локального распространения, 150 полонизмов, 90 белоруссизмов, 6 тысяч общих заимствований, около 7 тысяч параллельных образований. В результате ученым было выявлено около 20 тысяч общих черт польского и белорусского языков в словаре из 50 тысяч слов [34. С. 23].

Предметом нашего рассмотрения является исследование роли польского языка как языка-посредника иноязычного влияния на русские говоры Латгалии. В работе используются данные картотеки русских говоров Латгалии кафедры русистики и славистики Даугавпилсского университета и «Материалы для словаря русских старожильческих говоров Прибалтики» 1963 г. под редакцией М.Ф. Семеновой, латгальский материал был записан А.И. Синицей в Прейльском районе [1].

Перейдем к конкретным примерам, отражающим роль польского языка в качестве языка-посредника в пополнении говоров заимствованиями.

гвалт — *gwalt* ‘крик, шум’: *Стали йану дусить, а йана в гвалт* (Большие Дзеркали). Согласно словарю М. Фасмера, является заимствованием через польское посредство из немецкого *Gewalt* [Ф. Т. 1. С. 398]. Слово встречается в разговорной речи литературного языка;

жабрáк — *żebrak* ‘нищий’: *Тут Навицкий живет, жабрáк такой* (Прейльский р-н. МСГП). Это слово есть у всех западных славян, от поляков пришло на Русь. Заимствование 15 века из стар. нем. *Seffr* ‘нищий’, ‘бродяга’ [Б. С. 663]. В польском языке слово оформляется при помощи славянского суффикса -ак. Белорусский — жабрáк; латгальский — *žabraks*. В белорусском языке и русских говорах Латгалии слово получает новое ударение (суффикс -ак всегда ударный у восточных славян);

канáпка — *kanapka* ‘маленький диван’: *Кала стяны канáпка стайала. Лягит на канáпку, ляжыт работат ня хочыт* (Прейльский р-н. МСГП). Польский язык слово заимствовал из француз. *Canapé* [Ф. Т. 2. С. 177]. Белорусский — канапа; латгальский — канорка. В польском языке славянское оформление, используя суффикс -к с уменьшительным значением;

келішечка — *kieliszek* ‘рюмочка’: *Келішечку выпіл* (Даугавпилсский р-н д. Лавцесы). Слово заимствовано польским языком из немецкого *Kelch*, а немецким из латыни *Calyx* [Ф. Т. 2 С. 222]. Белорусский — кілішак; латгальский — *kelišeks*. В польском языке слово приобретает славянский суффикс -ек, в русских говорах ему соответствует суффикс -ечк с уменьшительным значением;

ко́мин — *komín* ‘печная труба’: *Ко́мина не было, дым в избу. Доченька, закрой ко́мин* (Даугавпилсский р-н, Краславский р-н, Лудза, Резекненский р-н). В польский язык пришло из нем. *Kamin*, из романского (латин.) *Camínus*, из греч. *Kaminos*. Польское *о-* из а [Б. С. 250]. М. Фасмер считает **ко́мин** заимствованием из польского, а слово *камíн* из немецкого языка [28. Т. 2. С. 302]. В русском литературном языке функционирует слово камин, появившееся из немецкого. Заимствование **ко́мин** сохраняет польское ударение. Белорусский — *ко́мін*; латгальский — *komíns*; литовский — *kamínas*;

люстёрка — *lusterko* ‘зеркало’: *Да в люстёрку на себя поглядись*. (Даугавпилсский р-н, Краславский р-н, Лузденский р-н). М. Фасмер приводит две точки зрения появления слова в русском языке: 1. через нем. посредство *Lüster*; 2. непосредственно из француз. *Lustre*, от латин. *Lustrāre* — ‘освещать’ (Ф. Т. 2. С. 546). Отметим, что в русском говоре слово имеет польское значение — зеркало. А Брюкнер высказывает мнение, что в польском слово появилось из итал. *Lustro, Lustrina* — ‘блеск’, из латин. *Lustrare* — ‘показ, просмотр’ [Б. С. 304]. Белорусский — люстёрка ‘зеркало’;

марúда — *maruda* ‘медлительный человек’, ‘копуша’: Хозяин, бывало, скажет: у марúда, крути нитку шипко, что ты закéшкалась (Прейльский р-н. МСГП);

марúдить — *marudzić* ‘медлить’: *Он марúдит, кéшкается, как здóхлый* (Прейльский р-н. МСГП). По мнению А. Брюкнера, это заимствование или из французского *Maraudeur*, или из испанского *Maraud* — негодяй, или из немецкого *Marode* (о солдатах мародерах), но все они от латинского *Male ruptus* ‘плохо схваченный’. В польском — *maruda, marudzić, marudny* — о скуке и возне [Б. С. 324]. Этимология, на наш взгляд, не является убедительной, но заложенная в заимствовании отрицательная коннотация сохраняется. Белорусский — марúдзиць, марúдны;

мур — *mur* ‘стена каменная’: *Просьба мур пробивает*. (Резекне);

муровáть — *murować* ‘строить’: *Дядька мой мало дома был, муровáл у всех* (Краславский район, п. Калниешы). Слово в русский язык пришло из немецкого *Mur* через польское посредство [Б. С. 348]. Белорусский — мураваны ‘каменный’; латгальский — *podmurovka* ‘фундамент’; латышский — *mūrēt* ‘укладывать фундамент’, *mūrnieks* ‘каменщик, печник’;

окуля́ры — *okulary* ‘очки’: *Сьми окуля́ры, табе фсе время не надо носить* (Краславский р-н, п. Ковалёво; Аглона; Демене). Согласно А. Брюкнеру польское слово восходит к латинскому *Oculatus* [Б. С. 378]. Белорусский — акуля́ры;

панто́фель — *pantofel* ‘туфля’: *Ай, брасал я панто́фель. Аденеш пантофель, так иди на сенакос нагам вальней* (Субате). Слово пришло в польский язык в XVI в. из немецкого *Pantoffel* [26. С. 394]. Белорусский — панто́флі;

па́терки — *raciorek -ki* ‘бусы’: *Патерки носили мало* (Краслава). В польский язык слово пришло в X—XI вв. из латин. названия молитвы *Pater noster*. Слово имеет второе значение ‘бусы’ [Б. С. 390]. Белорусский — па́церкі; литовский —

roteriai. Уточним, что в белорусском и литовском языках данные лексемы имеют значение ‘католические молитвы’, в русском говоре употребляется в значении ‘бусы’;

покоштовать — *pokosztować* ‘попробовать’: *Нада будит накаштавать теста* (Краслава). *Koszt* — цена в XVI в., *kosztować* имеет и другое значение ‘пробовать’. В чешском только одно значение ‘пробовать’. В немецком *Kosten* имеет два значения: одно из латинского *Constare* — цена, другое — о вкусе, может быть родственно латинскому *Gustare* — пробовать (?) [Б. С. 260]. Белорусский — пакаштаваць;

ратовать — *ratować* ‘спасать’: *Ой, ратуйте меня! Двух парней ратовали* (Резекненский р-н, Прейльский р-н). Белорусский — ратаваць; латгальский — ratavuot; литовский — retavoti;

ратунок — *ratunek* ‘помощь’: *Я кричу с йим фсе ратунку* (Малта). *Что ты ратунку кричишь?* (Краславский р-н). По мнению А. Брюкнера, оба слова восходят к немецкому *Rettung*. В чешском языке сохраняет гласный *e*-. [Б. С. 454]. Белорусский — помач; латгальский — ratunki;

раптом — *raptem* ‘внезапно’: *Была пагода, а тут раптом дождь палиу* (Прейльский р-н д. Капини). Слово восходит к латинскому *Rapio* ‘хватать (-ю)’ [Б. С. 454]. М. Фасмер относит это слово к латинскому *Raptus* ‘ограбление’, белорусский — раптам;

флянцы — *flanca* ‘отростки, побеги клубники, рассада’: *Клубник пускаит многа флянцэф. Вясной фси флянцы абрываюат.* (Прейльский р-н МСГП); *Флянцев была многа, а вырасла мала* (Даугавпилс); ‘помидорная рассада’ — *памидорные флянцы* (Лудза). В польском языке из немецкого *Pflanze*, от латинского *Planta* ‘растение’ [Б. С. 123];

фоливарок — *folwark* ‘усадьба’: *Фаливарок только у багатых, в багачах, там жыли паньские работники* (Прейльский р-н МСГП). В польском языке слово функционирует с XIV в. и является заимствованным из немецкого языка *Vorwerk* [Б. С. 124]. Белорусский — фальфарак; латгальский — foļvarka (poļvarka). Обращает на себя внимание второе слово poļvarka, в котором заложена народная этимология этого слова (поляк — латгал. poļaks, латыш. polis). Название деревни Фольварк староверы называют Поливáрок. Скорее всего, это фонетическая передача чуждого славянам [ф];

фурманка — *furmanka* ‘повозка’: *На фурманках паноф вазили* (Прейльский р-н МСГП). По мнению Брюкнера, слово является заимствованием из немецкого *Fuhrmann, Fahren* [Б. С. 129];

шпак — *szpak* ‘скворец’ *Котик типлонка скушал, думал, што шпаки. Фео вишенье съядут шпаки* (Прейльский р-н МСГП). По мнению М. Фасмера, слово является заимствованием из немецкого *Spatz* ‘воробей’ [Ф. Т. 4. С. 469]. Белорусский — шпак; латгальский — špoks;

шпалеры — *szpaler* ‘обой’: *К Ражаству нада купить шпалэр, клеить ту избу. Избу клеивали шпалэрам* (Прейльский р-н МСГП). *Хатела шпалеры купить,*

пока то да се, забыла, думала ремонт делать (Краславский р-н Дагда). М. Фасмер приводит несколько языков, из которых возможно было заимствовано слово: немецкий *Spalier*, итальянский *Spalliera* [Ф. Т. 4. С. 470]. А. Брюкнер указывает только романские языки (итальянский *Spalliere*, французский *Espalier*) [Б. С. 552]. Оба исследователя приходят к одному языку-источнику — латинскому слову *Spartula*. Белорусский — шпалеры; латгальский — špaleri.

Лексемы **бунтовать** и **бунтоваться** в литературном русском языке имеют значения ‘поднимать бунт, восстание, участвовать в бунте; возбуждать, возмущать; возмущаться’. В польском языке **buntować**, **buntować się** имеют значения ‘подстрекать к бунту; восстанавливать против кого; возмущаться’.

Согласно словарю М. Фасмера, этимологический путь слова **бунт** — ‘мятеж’, ‘восстание’, ‘возмущение’ проходит через посредство польского языка из немецкого языка [Ф. Т. 1 С. 241]. В русских говорах Латгалии зафиксированы диалектизмы:

бунтовать — 1. мешать что-л. делать, перебивать: *Пушчай пайот, а ты ни бунтуй йаво* (Прейльский р-н МСГП) *Тише! Не бунтуйте меня* (Даугавпилс) (ситуация: при счете денег). 2. вводить в заблуждение. *Васька, выходи, твая астанюфка* (автобусная). — *Не бунтуй!* (Прейльский р-н МСГП).

Голова бунтуется — о головокружении. *Галава бунтуйтца вримянами, бунтуйтца майа галава, абида такайа* (Прейльский р-н МСГП).

Приведем пример, который демонстрирует появление нового значения слова.

Шко́да — 1. ‘вред, убыток’: *Рябяты шкоды наделали, а што вы смотрите*. (Прейльский р-н МСГП); *Ты адну лишь шкоду ф дом нисеешь* (Даугавпилсский р-н Силене). 2. предикат. наречие ‘жалко, жаль’ *Десять рублэй фтырял, вот шкода* (Прейльский р-н МСГП); *Шкода, што дети далеко жывут, скучна зимами*. (Краславский р-н д. Константиново). 3. ‘грех’ *Я ш хрёсная, шкода ня ехать*. (Даугавпилс).

В польском языке слово **szkoda** имеет только два значения: 1. ‘ущерб, убыток’ 2. ‘жаль, жалко’. По мнению Брюкнера, слово пришло на Русь из польского языка, а также связывает его с немецким словом *Schaden* [Б. С. 549]. Белорусский — шкода; латгальский — škode.

Таким образом, в речи русских старожилов Латгалии нами были выявлены иноязычные лексемы германского происхождения: **гвалт**, **жебра́к**, **кели́шечка**, **ко́мин**, **мур** (**мурова́ть**), **панто́фель**, **покоштова́ть**, **рату́нок** (**ратова́ть**), **фля́ны**, **фолива́рок**, **фурма́нка**, **шпак**, **бунтова́ть** (**бунтова́ться**), **шко́да**; романского происхождения: **кана́пка**, **люсте́рка**, **мару́да** (**мару́дить**), **шпале́ры**; латинизмы: **окуляры**, **па́терки**, **ра́птом**. Все рассмотренные слова иноязычного (неславянского происхождения) пришли в русские говоры Латгалии через посредство польского языка. Их сохранению, частотности и повсеместному употреблению в говорах Латгалии способствует, по всей вероятности, использование их в белорусском, латгальском, а в некоторых случаях в латышском и литовском языках. А.И. Сеница отметила в статье «О словаре Вышек и Московской», что сильнее всего «на русские говоры Латвии оказывали влияние близкородственные языки и диалекты —

белорусский и польский» [10. С. 25]. Только два слова заимствованы и литературным языком — «гвалт» и «кошт» (устаревшее). Таким образом, речь идет о посреднической роли польского языка в говорах.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Материалы для словаря русских старожильческих говоров Прибалтики. Ученые записки. — Т. 51: Филологические науки. — Вып. 8А / Под ред. М.Ф. Семеновой. — Рига: ЛУ, 1963 (сокр.: МСГП).
- [2] *Новгородов М.А.* Из наблюдений над фонетикой и морфологией говора русского старожильческого населения Дагдского района Латвийской ССР. Ученые записки Даугавпилсского пединститута. — Вып. I. Серия гуманитарных наук. — Даугавпилс, 1958. — С. 351—369.
- [3] *Новгородов М.А.* Из наблюдений над синтаксисом говора русского старожильческого населения Дагдского района Латвийской ССР. Ученые записки Даугавпилсского пединститута. — Вып. I. Серия гуманитарных наук. — Даугавпилс, 1958. — С. 291—335.
- [4] *Семенова М.Ф.* Славяно-латышские этнолингвистические отношения. Ученые записки Даугавпилсского пединститута. — Т. 10. Серия филологическая. — Вып. 6. — Даугавпилс, 1964. — С. 33—39.
- [5] *Семенова М.Ф.* О региональном атласе русских старожильческих говоров Прибалтики. Ученые записки. — Т. 92. Материалы II диалектологической конференции. — Рига, 1968. — С. 5—14.
- [6] *Семенова М.Ф.* О русских старожильческих говорах Латгалии // В кн.: Русский фольклор в Латвии / Составитель И.Д. Фридрих. — Рига, 1972.
- [7] *Синица А.И.* Бытовая лексика в говоре русского старожильческого населения Прейльского района Латвийской ССР. Ученые записки Даугавпилсского пединститута. — Т. 8. Серия филологическая. — Вып. 5. — Даугавпилс, 1963. — С. 109—133.
- [8] *Синица А.И.* Лексика, обозначающая предметы и явления природы, в говоре русского старожильческого населения Прейльского района Латвийской ССР. Ученые записки Даугавпилсского пединститута. — Т. 10. Серия филологическая. — Вып. 6. — Даугавпилс, 1964. — С. 39—58.
- [9] *Синица А.И.* Лексика, дающая характеристику человеку, в говоре русского старожильческого населения Прейльского района Латвийской ССР. Ученые записки Даугавпилсского пединститута. — Т. 10. Серия филологическая. — Вып. 6. — Даугавпилс, 1964. — С. 58—70.
- [10] *Синица А.И.* О словаре Вышек и Московской. Ученые записки. — Т. 92. Материалы II диалектологической конференции. — Рига, 1968. — С. 24—36.
- [11] *Синица А.И.* Названия домашних животных и птиц в говорах русского старожильческого населения Прейльского и Даугавпилсского районов Латвийской ССР. Ученые записки Даугавпилсского пединститута. — Т. 21. Серия филологическая. — Вып. 8. — Рига, 1970. — С. 118—125.
- [12] *Королева Е.* Влияние церковнославянского языка на речь старообрядцев. — Valoda-1996. Valoda dažādu kultūru kontekstā. Humanitārās fakultātes VI zinātniskie lasījumi Daugavpils Universitāte. — Daugavpils, 1996. — Lpp. 84—90.
- [13] *Королева Е.* Диалектные черты городского просторечия г. Даугавпилса. — Valoda-1998. Valoda dažādu kultūru kontekstā. Humanitārās fakultātes VIII zinātniskie lasījumi Daugavpils Universitāte. — Daugavpils, 1998. — Lpp. 14—24.
- [14] *Королева Е.* Личные существительные с отрицательной оценкой в говорах старообрядцев Латгалии. — Valoda-2002. Valoda dažādu kultūru kontekstā. Humanitārās fakultātes XII zinātniskie lasījumi Daugavpils Universitāte. — Daugavpils, 2002. — Lpp. 113—119.

- [15] *Королева Е.* Диалектная фразеология (на материале русских говоров Латгалии). — Valoda-2004. Valoda dažādu kultūru kontekstā. Humanitārās fakultātes XIV zinātniskie lasījumi Daugavpils Universitāte. — Daugavpils, 2004. — Lpp. 213—219.
- [16] *Королева Е.* Фразеологические сравнительные конструкции в латышском языке и русских говорах Латгалии. — Valoda-2005. Valoda dažādu kultūru kontekstā. Humanitārās fakultātes XV zinātniskie lasījumi Daugavpils Universitāte. — Daugavpils, 2005. — Lpp. 271—279.
- [17] *Королева Е.* Зимние гадания латышей и русских в Латгалии (этнолингвистический аспект). — Valoda-2009. Valoda dažādu kultūru kontekstā. Humanitārās fakultātes XIX zinātniskie lasījumi Daugavpils Universitāte. — Daugavpils, 2009. — Lpp. 30—41.
- [18] *Королева Е.* Словарь русской фразеологии и устойчивых словосочетаний Латгалии. — Valoda-2010. Valoda dažādu kultūru kontekstā. Humanitārās fakultātes XX zinātniskie lasījumi Daugavpils Universitāte. — Daugavpils, 2010. — Lpp. 55—63.
- [19] *Королева Е.* Церковная лексика в речи староверов Латгалии. — Valoda-2011. Valoda dažādu kultūru kontekstā. Humanitārās fakultātes XXI zinātniskie lasījumi Daugavpils Universitāte. — Daugavpils, 2011. — Lpp. 18—27.
- [20] *Лаумане Б.Э.* Лексический материал Диалектологического атласа латышского языка, отражающий латышско-русско-белорусско-польские контакты // Контакты латышского языка. — Рига, 1977.
- [21] *Екабсонс Э.* Поляки и польские помещики на территории Латвии. URL: http://www.li.lv/index.php?option=com_content&task=view&id=100&Itemid=598&lang=ru
- [22] *Dunsdorfs E.* Latvijas vēsture. 1710—1800. — Daugava, 1973.
- [23] *Ананьева Н.* Балтизмы в говорах балто-славянского пограничья // В кн.: *Latgale kā kultūras pierobeža*. Humanitārā fakultāte Komparatīvistikas institūts. — Daugavpils, 2008. — С. 361—354.
- [24] *Вярэніч В.Л.* Польскія перыферычныя гаворкі на Усходзе. Польскія гаворы в СССР. — Ч. 1 (Исследования и материалы 1967—1969 гг.). — Минск, 1973. — С. 5—22.
- [25] *Паршута Ю.* О диалектной лексике польских говоров на территории Латвийской ССР. Rieger J, Werenicz W. red. *Studia nad polszczyzną kresową III*. — Wrocław, 1984.
- [26] *Паршута Ю.* Статистическое описание морфологии польской речи жителей деревни Дарвиниеки Мадонского района Латвийской ССР. Польские говоры в СССР. — Ч. 1. — Минск, 1973.
- [27] *Ostrówka M.* Próba ustalenia miejsca “mowy prostej” w systemie komunikacji językowej łotewskich polaków. *Materiały badań w Łatgalii. Acta Baltico-Slavica XXIX*. — Warszawa, 2005.
- [28] *Ostrówka M.* Teksty z Krasławia i okolic na Łotwie z komentarzem językowym. Rieger J. red. *Język polski dawnych Kresów Wschodnich II*. — Warszawa, 1999.
- [29] *Ostrówka M.* O języku polskim w okolicach Indrycy. *Acta Baltico-Slavica XXIV*. — Warszawa, 1999.
- [30] *Rembiszewska D.* Polonizmy w łotewskich gwarach Łatgalii. *Acta Baltico-Slavica XXXIII*. — Warszawa, 2009.
- [31] *Kuņicka K.* Poļu valodas ziemeļu periferiālajām dialektām raksturīgās iezīmes Daugavpils Poļu ģimnāzijas skolēnu radošajos darbos. — Valoda-2011. Valoda dažādu kultūru kontekstā. Humanitārās fakultātes XXI zinātniskie lasījumi Daugavpils Universitāte. — Daugavpils, 2011. — Lpp. 27—34.
- [32] *Рекена А.* Славянизмы в названиях кушаний в южнолатгальских говорах // Вопросы диалектной лексики. В 2 т. — Т. 2. — Рига, 1986. — С. 57—97.
- [33] *Jankowiak M.* Gwary białoruskie na Łotwie w rejonie Krasławskim. *Studium Sociolingwistyczne*. — Warszawa, 2009.
- [34] *Пальцев Г.В.* Общие элементы белорусской и польской лексики: Автореф. дисс. ... канд. фил. наук. — Минск, 1973.

- [35] *Стыпула Рышард, Ковалева Г.В.* Польско-русский словарь. Около 35 000 слов. — М.: Русский язык; Варшава: Вєдза Пєвшєхна, 1975.
- [36] *Brućkner A.* Słownik Etymologiczny Języka Polskiego. — Warszawa: Wiedza Powszechna, 1985. [В сокращении: Б., страница]
- [37] *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. В 4 томах: 1986—1987 [В сокращении: Ф., том, страница]
- [38] *Шуба П.П.* Беларуска — Рускі слоўнік. — Мінск, 1994.
- [39] *Lukaševičs V.* Latgaliešu-latviešu vārdnīca. Vīna cylvāka specvuorduojs. — Daugavpils, 2011.
- [40] *Butkus A.* Latviešu-lietuviešu vārdnīca. — Kaunas, 2003.

THE POLISH LANGUAGE AS AN INTERMEDIARY LANGUAGE FOR FOREIGN INFLUENCE ON RUSSIAN SUBDIALECTS IN LATGALE

E.V. Mateykovitch

The Russian and Slavic Studies Department
Faculty of Humanities
Daugavpils University
Vienibas str., 13, Daugavpils, Latvia, LV-5400

The speech of Russian old-timers in Latgale reveals lexemes belonging to other languages which came into being through the Polish language. This fact could be explained by the history of the region, which for the very long period had been integrated in the Poland-Lithuanian statehood. The article analyses lexical material proceeding from two sources: card-catalogue of the Daugavpils University and “Work Materials for the Dictionary of Russian Old-Timers Subdialects in Baltics.

Key words: dialectology, Russian subdialects, intermediary language, lexis, the Polish language.